

А. А. КУЗНЕЦОВ

РЕВОЛЮЦИЯ СПУСТЯ 100 ЛЕТ

Статья посвящена анализу коллективной монографии книги о юбилее революции 1917 г. в России – «Революция-100: реконструкция юбилея» (под ред. Геннадия Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2017). Авторы текста изучили разные аспекты юбилея Революции 1917 года в России и за рубежом. Контексты исследования юбилея: политический, социальный, культурный, коммеморативный, научный, архивный, религиозно-конфессиональный, региональный и визуальный.

Ключевые слова: Революция 1917 года, Россия, юбилей, историческая политика, коммеморация, мониторинг

Издание, которому посвящена эта статья, многомерно, противоречно, как юбилей и его событие. Редактору, идеологу издания Г.А. Бордюгову вместе с соруководителем Н.И. Ажгихиной предстояло решить сложные задачи выстраивания системы замеров, выбора оценочных шкал и, соответственно, формирования коллектива (со)авторов. Они должны были видеть цель большой книги, обладать необходимым объемом знаний по истории Российской Революции, владеть методическим и методологическим багажом в области коммеморативных практик и исторической политики. В этом свете большой подготовительной работой на протяжении почти четверти века выглядят коллективные издания АИРО-XXI. Из их немалого числа внушительный эффект в гуманитарном сообществе произвели масштабный серийный проект «Исторические исследования в России» (три его этапных сборника были объединены в итоговый компендиум¹); обобщающий коллективный труд, посвящённый основным тенденциям в научном сообществе российских историков со времён Перестройки²; экспертно-аналитическое издание на тему 70-летия Победы³; высококвалифицированная подготовка корпуса текстов Е.М. Примакова и мемуаров о нём⁴. В этом ряду наиболее близкой по задачам и методике оказалась книга о юбилее Победы.

Экспертная работа по «сборке» 70-летнего юбилея триумфа советского народа и Красной Армии стала успешным опытом по организации трудоспособного коллектива авторов из разных городов и вузов России. Сравнение двух книг – о юбилеях 9-го мая и 7 ноября (25 октября) показывает, что организаторы и вдохновители «Революции-100»

¹ Между каниунами... 2013.

² Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. 2011.

³ Победа-70: реконструкция юбилея. 2015.

⁴ Примаков Е.М. Собрание сочинений. В 10-ти томах. 2016; Неизвестный Примаков. Документы. 2016; Неизвестный Примаков. Воспоминания. 2016.

ориентировались на позитивный опыт организации исследовательской площадки, «строительства» команды «Победа-70». Вообще, создание авторских групп, способных в короткое время адекватно поставленным целям и задачам выдавать качественный продукт, является визитной карточкой АИРО-XXI. Г.А. Бордюгову удалось создать пул авторов, из которого под каждый проект рекрутируется команда. Изучение в динамике коллективов разных проектов АИРО-XXI позволяет выявить своеобразную ротацию авторов, привлечение молодых исследователей, задействование опытных кадров из своеобразного резерва и сохранение определённого ядра. Такая политика обуславливает следование уже сложившимся традициям и привнесение новаций. Все эти характерные черты проявились в подборе экспертов-исследователей для представления модели юбилея Российской Революции.

Учёт опыта «Победы-70» при освещении 100-летия Революции был проведён творчески. Об этом заявлено авторами (с. 13–14): 1) по «...внешним параметрам настоящий проект похож на... аналогичное исследование АИРО XXI – «Победа-70...»»; «... в основу обоих экспертно-аналитических продуктов был положен мониторинг динамических изменений мнений, оценок, суждений, настроений, выводов и прогнозов, связанных с юбилеями масштабных исторических событий»; 2) «между обоими проектами имеются и существенные отличия»; к ним относятся юбилейное время (для Революции оно замерялось в течение года, а для Победы – от трёх до шести месяцев), более сложная и многомерная «проблемная сетка» Революции-100, более дифференцированная фокусировка – в связи с фазами революционного развития – на объект революционного юбилея, подвижность исторических вех в процессе праздничного, коммеморативного и юбилейного маркирования Революции в советском периоде истории, отсутствие социального согласия или даже «договора» на представление о Революции, внушительная выборка зарубежных мнений о 1917 г.

Методы и средства мониторинга «Революция-100» представляют собой результат дальнейшего развития инструментария, с помощью которого постигали юбилей Победы. Само это развитие было обусловлено спецификой предмета исследования (с. 15). Она же, как представляется, определила сознательный отказ руководителей проекта от навязывания авторскому коллективу жёстких хронологических рамок Революции-1917. Такая свобода рук оказалась оправданной, поскольку разные аспекты юбилея затрагивали историю коммунистических и революционных идей и практик, к которым апеллировали творцы Революции-1917, актуализировали связь 1905–1907 гг., революционно-контрреволюционное насилие раздвигало границы 1917 года до и после, закономерное «пожирание Революцией своих детей» неизбежно сопрягало юбилей Революции-100 и «1937 года»-80. Кроме того, пер-

сональная исследовательская оптика российских авторов и авторов зарубежных, авторов-историков и авторов-неисториков могла быть настроенной на «долгую Революцию» и Революцию-1917. Обратной стороной этого стала некоторая эклектичность монографии. В одной из её частей внимание фокусируется на коммеморации процессов, событий и людей 1917 г., а в других блоках временные рамки раздвигаются крайне широко. Эта двойственность была порождена не только сложностью, многогранностью и Революции, и её юбилея, но также сжатыми сроками подготовки книги авторами из разных стран и городов. В связи с такой разнородностью представление книги здесь проводится по её отдельным составляющим, где сразу обозначаются авторские достижения и проблемные стороны отдельного текста. Именно проблемные стороны, а не недостатки, поскольку в силу масштабов юбилейного предмета исследования и его исторического субстрата можно только вспомнить Козьму Пруткову: «Нельзя объять необъятное».

Книга, не считая Предисловия, Послесловия, Хронологии юбилея, Приложения и Сведений об авторах, состоит из 7-ми частей. Предыстория юбилея разбирается в первой, построенной на компаративистском сопряжении практик революционных юбилеев у «них» и у «нас». В.А. Невежин и Е.С. Сапрыкина рассмотрели первые революционные юбилеи 1876 г. в США и 1889 г. во Франции, органично вписали эти революционные юбилеи в эпоху «национализации» прошлого (с. 20), показали основные события юбилеев, их визуальные маркеры (например, статуя Свободы и Эйфелева башня). Через статую Свободы была осуществлена и своеобразная связь между двумя Революциями и сопряжёнными «воспоминаниями» о них. Затем был проведён экскурс в празднования 200-летий Американской (с. 25–34) и Французской революций (с. 34–46). Торжества по случаю этих памятных дат оказались соотнесёнными со злободневными социально-политическими проблемами и дискуссиями (в США в большей степени). И эту ситуацию не смогла компенсировать установка на позитивные стороны вспоминаемых событий. Например, во Франции акцент ставился исключительно на 1789 год, и попытки католической церкви обратить внимание общества на жертв террора под символическим знаком 1793 г. оказались тщетными. Может быть, здесь сработал фактор усталости от деструктивных последствий майских событий 1968 г. Идеальный упор на позитивный потенциал крупных событий прошлого оказался общим для обеих революций, что проявилось, опять-таки, в осознанной сцеплённости юбилейных практик. Сравнение американского и французского визуальных рядов празднований демонстрирует преимущества второго – основание помпезных архитектурных сооружений, яркие красочные постановочные акции, на что были потрачены огромные суммы. Куда в меньшей степени авторы обратили внимание на создание юбилейных

текстов, которые являются наиболее важными в коммеморативной сфере каждого юбилея. Праздники проходят, рекреационные и развлекательные действия потомков тех, кто когда-то совершал революции или им противился, остаются только в памяти этих людей как моменты нарушения повседневности. Общественно-политические проблемы, по которым шли дискуссии на момент юбилеев, сменяются другими. Многие размышления публицистов, политиков, где затрагивались ценности революций, забываются. Архитектурные сооружения вписываются в городские культурные ландшафты, становятся привычными и только для мотивированного и знающего человека могут актуализировать аксиологическую сторону памятно-значимых событий.

Полноценную ценностную нагрузку юбилеев несут тексты – философские, исторические, социокультурные. Именно тексты воплощают смысл юбилеев – годов, завершающих «семь седьмин». Через 49 лет, на L-й год в Древнем Израиле закрывались все долги и обязательства, подводились итоги⁵. А там, где подводятся итоги, выстраивается и перспектива на будущее. Юбилеи «заставляют выстраивать историческую перспективу, создают некую линию исторического развития, протягивая нить не только от прошлого к настоящему, а и к будущему»; «побуждают оценивать пройденный путь, создают атмосферу диалога с прошлым, причем, в зависимости от политических, научных, идеологических установок, прошлое может выступать не в виде застывшей константы, но в качестве меняющейся действительности, подчас столь же жизненной, как и окружающая реальность»; «происходит постоянное взаимодействие и взаимовлияние прошлого и настоящего – в том виде, в каком они воспринимаются тем или иным действующим лицом политического процесса, и будущего – в тех формах, какие видятся участникам юбилея желательными и необходимыми⁶. Понятно, что такая живая связь времён останется после громких юбилеев только в текстах.

По 200-летию Американской революции подобных текстов приведено не было. Все ограничилось замечанием, что американские авторы провозгласили «свою» революцию эталоном (с. 50). Применительно к празднованию 200-летия Французской революции «историографический контекст» построен на противопоставлении труда Фюре (либеральный пересмотр «революционного Катехизиса») и книги Корбьера и Маффеиса (новая левая апология Революции). Но вне поля зрения авторов остались коммеморативные исследования в духе Пьера Нора, который, впрочем, и сам давал оценки Французской революции, разбирая её как «место памяти». Недооценённым, думается, осталось влияние на французские юбилеи последнего романа Виктора Гюго «Девя-

⁵ Шифман 1987. С. 24–25.

⁶ Цимбаев 2005. С. 98.

носто третий год». Возможно, благодаря ему, тема обратной стороны революции (отнюдь не положительной) наличествует в коммеморативном поле Франции (как в России Отечественная война 1812 г. – благодаря роману Л.Н. Толстого «Война и мир»). И это, несмотря на то, что последняя экранизация романа Гюго состоялась в 1962 г.

В историографическом экскурсе юбилейного празднования Французской Революции ожидалась и проблема её изучения в России/СССР. Эта революция оказалась не просто одним из объектов исторических исследований. Она была своеобразным маяком, на который ориентировались и деятели Революции-1917 (в конце концов, ведь именно в России Французскую революцию назвали Великой), а потому лекала изучения французских событий рубежа 1780–1790-х гг. уже в советское время влияли на исследовательские модели событий 1917 г. Весьма интересным было бы проследить взаимосвязь между 200-летним юбилеем Французской Революции и попыткой пересмотра основного её концепта в отечественной историографии во время Перестройки. Тогда основополагающий труд А.З. Манфреда «Великая французская революция XVIII в.» (1956 и 1983 гг.) сменился «Очерками по истории Великой французской революции» В.Г. Ревуненкова⁷. Надо ли говорить, что социокультурные перспективы этого текста минимизировались после 1991 г., хотя он и дополнялся новыми трудами исследователя.

Справедливо отмечая, что в XIX в. произошёл «взлёт юбилейных дат» (с. 20), В.А. Небезин и Е.С. Сапрыкина не прописали, что в волне «коммемораций – торжественных празднований памятных дат»⁸ столетние юбилеи американского и французского потрясений были первыми отмечаемыми годовщинами революций. И в потоке юбилейных торжеств индустриального общества произошла своеобразная легализация революции как истока государств Нового времени⁹.

Г.А. Бордюгов рассмотрел предысторию юбилея-1917 в РСФСР–СССР (с. 51–94) и перекинул мост во второй раздел книги «Контекст». Он начинается статьей главного редактора «2017: Новые смыслы воспоминаний о революции» (с. 97–105), и с ней логически смыкается глава Д.А. Андреева «1917-й в тени выборов 2018-го: слабые и сильные стороны кремлёвского сценария юбилея» (с. 106–130). Эти тексты написаны в соответствии с поставленными в монографии задачами, на основе применения всего заявленного арсенала методических инструментов. Согласно примечанию автора, в разделе Г. Бордюгова исполъ-

⁷ Ревуненков 1989.

⁸ Копосов 2011. С. 42.

⁹ Укажем и на то, что авторы не задействовали британские рефлексии (а, может быть, и юбилеи?) по поводу событий и процессов XVII в., которые в российской (советской) историографии именуется Английской буржуазной революцией.

зованы материалы его работ «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти» (М., 2010) и «Ожидаемая революция не придёт никогда» (М., 2012)). Эти издания надо расценивать как своеобразный полигон, где проходили «обкатку» многие методы и методики изучения юбилеев советских событий, а также публичной истории и исторической политики на постсоветском пространстве.

Тексты Г.А. Бордюгова и Д.А. Андреева воссоздают и предысторию, и контекст юбилея-2017. На протяжении практически столетия показаны смысловые вложения в каждое десятилетие (иногда и мельче) празднования Революции, соотнесения их с внутривнутриполитической ситуацией, ответом на вызовы извне, включая Победу и переформатирование праздника в постсоветское время, обозначены тенденции и общественные ожидания на каждом этапе и их прерывание. Этот раздел удался, хотя, возможно, требования по ограничению объёма «вывели за скобки» несколько проблем.

В рассказе о последнем советском юбилее-1917 в 1987 г. (с. 85–89) уместен был бы пассаж о юбилейном докладе генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва к 70-летию Октябрьской Революции. В тот момент, когда общество искало в прошлом и хотело воплотить в настоящем идеалы Революции, этот доклад не оправдал ожиданий. И как знать, быть может, данное обстоятельство сыграло не последнюю роль в прощании с СССР. Плодотворным могло оказаться внесение в советское юбилееведение проблемного аспекта смены поколений. Это позволило бы заострить проблему формирования общественной памяти в поколениях, в т.ч. о Революции. На протяжении всей советской истории воспоминания участников революционных событий укладывались в прокрустово ложе официального видения 1917-го года. Много революционеров, контрреволюционеров, большевиков, меньшевиков, эсеров, кадетов и других пали жертвами репрессий 1920–1930-х гг. Носителей живой и достоверной информации о Революции-1917 г. к 1985 г. осталось крайне мало, их впечатления о тех великих и трагичных днях ушли вместе с ними. Поэтому в распоряжении поколения, вступившего в активную социальную жизнь в 1980-х, остался только официальный советский мемуарный текст о Революции. На волне разоблачений он быстро обесценился, и после распада СССР потерял актуальность. Пришедший ему на смену после 1991 г. не менее тенденциозный текст эмигрантских воспоминаний не вызывал серьёзного интереса, поскольку проблемы революции в России не пользовались популярностью. Получается, что к 1987 и к 2017 г. дошёл мемуарный комплекс, просеянный через сито «Краткого курса истории ВКП(б)», несколько поновлённый во время «оттепели», и превращённый в канон в 1960–1970-е. Поэтому можно констатировать, что «живое дыхание» Революции в Российской империи угастро ещё лет за тридцать до её столетнего юбилея.

Замечание касается и собственно исторического аспекта контекста. Монографии «Революция-100...» недостаёт текста о самой революции (за исключением обзора С.Г. Антоненко, в котором разбирается конфессиональная ситуация в России 1917 г.). Он должен был быть ёмким, стремиться к объективности и содержать видение причин, предпосылок и хода революции, начиная с конца 1916 г. и завершая либо чехословацким мятежом, либо расстрелом царской семьи. В этот обзор следовало включить представления основных действующих лиц и необходимые проверенные статистические данные. При наличии такого материала удобно было бы соотносить «попадания» и «непопадания» юбилея-2017. Отсутствие исторического текста определяет некий релятивизм авторских наблюдений и данных мониторинга. На подобный стоило бы пойти, даже предчувствуя критику такого текста.

Ожидаемым, но не случившимся, в этой части книги был материал о юбилейном аспекте контекста Революции-100. Речь идет о каскаде юбилеев, первой ласточкой которых было празднование 850-летия Москвы в 1997 г. Затем прогремели на всю страну 200-летние юбилеи министерств, 1000-летия Казани и «круглые даты» других субъектов РФ, начавшиеся с 2010 г. «десятилетие» юбилеев (1150-летие Российской государственности, 400-летие преодоления Смуты, 200-летие победы в Отечественной войне 1812 года). Не считая празднования Победы и малозаметного 100-летия Первой русской революции, Революция-100 – это первый юбилей события советской истории. И, вопреки ожиданиям, его празднование прошло бледно, поскольку было девальвировано юбилеями, относящимися к прошлому России, «которую мы потеряли». Прошедшие до 2017 г. и ожидаемые после него празднования значимых событий в истории России заранее обесценили революционный юбилей. В пользу такого утверждения говорит тот факт, что многочисленными авторами монографии оказалось незамеченным чествование 100-летия начала Первой мировой войны, то есть сама Первая мировая война упоминается на страницах книги, но – не её юбилей. Судя по нижегородским наблюдениям, к нему стали готовиться в 2011–2012 гг., получив политический заказ от власти. Заказ был спущен в Общественные палаты субъектов РФ. Реализация данного проекта продолжается. Так, в Нижегородской области было профинансировано, как минимум, пять изданий по истории Первой мировой войны. А на общероссийском уровне 3 августа 2014 г. прозвучали слова Президента Российской Федерации В.В. Путина при открытии на Поклонной горе монумента героям, павшим в Первую мировую войну: «Россия выполнила свой союзнический долг. Её наступления в Пруссии и в Галиции сорвали планы противника, позволили союзникам удержать фронт и защитить Париж, заставили врага бросить на восток, где отчаянно бились

русские полки, значительную часть своих сил. Россия смогла сдерживать этот натиск, а затем перейти в наступление. И весь мир услышал о легендарном Брусиловском прорыве. Однако эта победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы». Этот тезис, по сути, манифестировал отношение власти к грядущему юбилею-2017. Поэтому «Кремль хранил молчание» и до, и в момент юбилея. Данное обстоятельство позволяет в противовес Бордюгову и Андрееву утверждать, что власть, как минимум, за три года определилась в своём отношении к юбилею Революции и сознательно (не растерянно) «взяла паузу». При этом этикетно ведущие политики России давали свои оценки событиям 1917 г. (не считая коммунистов, в основном, в антиреволюционном ключе), но они не могли получить такого же веса и резонанса как те, что исходили бы от первых лиц «Государства Российского».

Аргументацию и фактографию тезиса Д.А. Андреева о реформативности праздника Революции в постсоветское время можно расширить ещё и тем, что после 1991 г. учебный курс «История Коммунистической партии» с его обязательным конспектированием документов был выведен из вузовского курса. Эрозия конкретного знания о революции, подкреплённого изучением текстов партийных документов, ленинских текстов, подготовила состояние умов для имплантации тех или иных, в принципе, критических для «делателей революции» трактовок и интерпретаций событий 1917 г.

Раздел III посвящён Среде юбилея, которую организаторы издания «сложили» из трёх сегментов – монументально-мемориального (автор П.Г. Черемушкин (с. 133–151)), цифрового (автор П. Опалин, (с. 152–177)), молодёжного (авторы Д.И. Люкшин, А. Межведилов (с. 178–203)), конфессионального (автор С.Г. Антоненко (с. 204–244)). Добротные представленные материалы подтверждают приведённый выше, но не прописанный в монографии, тезис: власть в России явочным порядком целенаправленно минимизировала юбилей-2017, поскольку он противоречил выстраиванию преемственности к досоветской России. Сохранение и незначительное приумножение монументальных образов Революции и Советской эпохи на фоне скульптурной реанимации героическо-идиллического прошлого страны до 1917 г. объяснимо внешним фактором («ленинопад» на Украине с 2014 г.), а также желанием не прерывать «эстафету» правителей и традиции преемственности к позитивному аспекту истории СССР.

Реакцией на замалчивание революции в год её столетнего юбилея стало своеобразное «активирование» информационной среды цифрового пространства, но, учитывая выводы об индифферентности молодёжи

к теме 1917 года, можно сказать, что информационная среда стала сферой общения заинтересованных в силу возраста или профессиональных занятий людей, которым уже за 35 лет. Опустевшую нишу официальной оценки юбилея поспешила занять Русская Православная Церковь. И, несмотря на разные подходы к теме Революции, именно РПЦ сумела предложить обществу темы осуждения 1917 г. и его последствий, общего покаяния, за которым стоит идея ответственности, и даже освоения советского периода историей России. И это было сделано, несмотря на конкуренцию течений в связи с освоением Революции-1917 внутри самой РПЦ (с. 228–239). Остаётся только посотовать по поводу малого представления позиций других религиозных течений к теме Революции, хотя было указано, что они предпочли остаться в стороне (с. 244).

Четвёртая часть книги была отведена под «Рефлексии»: по поводу лидеров (вождей) Революции (автор Т.А. Филиппова, с. 247–271), в связи с академическим (автор П.В. Акульшин, с. 272–301) и архивным (автор Л.В. Максименков, с. 302–358) дискурсами, отражения Революции в современной художественной литературе, кинематографе и сценических постановках (автор Б.В. Соколов, с. 359–422), презентации юбилея в выставках (автор И.С. Давидян, с. 423–484).

Глава о феномене революционного лидерства опровергает тезис, прописанный в ряде мест коллективной монографии. Согласно ему, историки уклонились от роли делателей смыслов юбилея-100. Даже если это была сознательная позиция, то объективно в дискуссиях о революционном лидерстве политические и общественные деятели, политики, философы, публицисты и журналисты не смогли обойтись без экспертного мнения историков. Среди них – В.П. Булдаков (неоднократно упомянутый в этом и других фрагментах книги), А.О. Чубарьян, Е.А. Котеленец, А.В. Шубин. И они сыграли в дискуссиях не вспомогательную роль, но роль полноценных акторов. На фоне виртуозной актуализации Т.А. Филипповой сугубо исторического спора о революционных лидерах за счёт анализа преимуществ и недостатков победителей и проигравших в 1917 г. и к 2017 г., моральных оценок, темы выборов президента в США и проч., остро ощущается дефицит конкретного биографического материала, хотя бы в виде справок. Без него глубокий, интересный текст доступен лишь осведомлённым в проблематике Революции-1917. Нет в нём и постановки вопроса о создании новой биографики Революции, той биографики, которая позволила бы ответить на многие вопросы, обозначенные в данном разделе.

Отсутствует биографическая проблематика и в квалифицированном историографическом обзоре П.В. Акульшина. Решение же её вопросов вывело бы изучение Революции-1917 в юбилейный год и позже на новый этап. Комплексная биографика, перетекающая в просопогра-

фию, позволила бы уйти от преувеличения в последнее время субъективно-личностного фактора – в постижение Революции-1917. Однако автор указал, что идущее с 1990-х «заселение» реальными людьми хронотопа Революции осложнено постоянной сменой «научного прицела»: советские репрессированные деятели, контрреволюционеры, либеральная оппозиция, монархисты и деятели белого движения... (с. 292). Впрочем, речь в разделе шла о тенденциях в академической среде, о наличии в ней интереса к той или иной проблематике. Справедливо отмечено, что очень многое в преддверии юбилея значили грантовая поддержка и появление большого числа акторов в лице самоуправляющихся групп, претендующих на то, чтобы сформировать видение обществом революции. Несмотря на политическую и идеологическую ангажированность данных сообществ, они всё-таки стали рупором историков. И этот тезис корректирует повторяющуюся в книге мысль о том, что историки сознательно отказались от формирования представления о Революции в её юбилейный год. Автором была проведена колоссальная работа по установлению институциональных рамок и проблемного поля исследований Революции-1917, в полной мере были представлены «властители дум» от исторической науки, те компендиумы, в которых были подведены историографические итоги и намечены перспективы, продемонстрированы их успехи и достижения. В свете этого убедительным выглядит вывод: историческая наука России накопила к 2017 г. столько фактографических, методических и методологических новаций, что теперь настал долгий период их осмысления и вмонтирование в корпус знаний о Революции-1917 (с. 301).

Данный вывод можно с рядом оговорок распространить на материал Л.В. Максименкова, условно назвав его «Архивы и Революция-100». По громадному фактическому материалу и его анализу данная статья образует одно целое с текстом П.В. Акульшина, сосредоточив читательское внимание на диагностических сторонах дела. Они-то и позволяют понять противоречия юбилея, отмеченные в монографии, и противоречия внутри нее. Главными архивными игроками в подготовке юбилеев от властей были назначены ГА РФ и РГАСПИ, что возродило советскую матрицу изучения Революции (с. 303). Более десятка федеральных и ведомственных архивов де-факто оказались выведенными из основного потока подготовительной работы. Надо попенять Максименкову за то, что в силу большого объема материала «на местах» он выбрал мероприятия архивов восьми областей РФ и остальное внимание сосредоточил на юбилейной подготовке в архивах национальных субъектов РФ. Деятельность архивов «по дороге» к юбилею курировалась рядом государственных чиновников. Они задавали мейнстрим, они же и способствовали, как кажется, тому, чтобы ограничить общественное

обсуждение Революции-1917. Такой контроль создавал благоприятную почву и для обнаружения недостоверных документов и ограничения доступа к документам революционной эпохи. Личные дела (и не только они) политических и общественных деятелей начала Советской эпохи, включая дело В.И. Ленина, засекречивались. И в свете этого высказанное здесь замечание о необходимости развития революционной биографии, видимо, останется благим пожеланием. Внешний стимул развития архивного дела в России – международные проекты, гранты – сводится к нулю из-за снижения интереса на Западе к теме Российской Революции. Ответственность за это, согласно Максименкову, лежит и на отечественных архивных руководителях, и на кризисе, в который впала советология на Западе (с. 336–337). Как оказалось, не имеющие навыков архивной работы и текстологии, многие «знатоки» СССР и его истории оказались «голыми королями». Эти и другие негативные или стагнационные явления, отмеченные в тексте, приводят к грустным мыслям о том, что тема Революции в социосфере России будет подниматься только по политическим мотивам. И, несмотря на введение в оборот новых документов, которые надо будет осмыслить, приходится согласиться с горьким выводом архивного мониторинга: «Архивам требуется реформатирование», причём за счёт омоложения руководства» (с. 352). Несмотря на личную заинтересованность и неравнодушные, автору мониторинга архивных мероприятий в связи с революционным юбилеем удалось остаться в рамках объективной, отстранённой экспертизы. В ином ключе подан материал о литературном, кинематографическом и театральном сопровождении 100-летия Революции.

Экспертный текст Б.В. Соколова противоречив, неравномерен по сочетанию описательного и аналитического материала. Предпослана ему история отображения Революции и Гражданской войны в СССР–России в литературе и кинематографе (с. 359–364). Наверное, анализ надо было начать с представления «вечных текстов» о Революции-100. Полномасштабного, эпического полотна о Революции в России, подобного «Войне и миру» Л.Н. Толстого, «Девяносто третьему году» Виктора Гюго, не было создано по разным причинам, в т.ч. и из-за просторов Российской империи, её поликонфессиональности и многоэтничности. Но общество имеет представления о Революции-1917 г., почерпнутые из произведений М.А. Шолохова, А.Н. Толстого, М.А. Булгакова. Они выдержали испытания временем и являются мощным фактором визуализации Революции-1917 г. спустя сто лет. Обзору Б.В. Соколова присуще определённое уплотнение по времени периодов развития искусства, особенно кинематографа. Так, рассуждая о всплеске интереса к революционной теме в 1950–1960-х, автор без пояснений относит к этому времени и сериалы «Хождение по мукам» и «Адъютант его

превосходительства» (с. 362–363), хотя они появились в 1970-е. Небесспорно утверждение автора о выдающихся/значительных произведениях 1990-х–2005 гг. (с. 363). О вкусах не спорят, но при перечислении знаковых произведений того времени вспоминается неупомянутый сериал «Конь белый» (1993 г., реж. Гелий Рябов, авт. сценария – Георгий Адамович и Гелий Рябов). Вообще же, в данном аналитическом тексте было уместно поставить вопрос о художественной, философской ценности произведений о Революции и Гражданской войне, созданных после 1945 г. Разговор о художественной литературе и фильме «Матильда» (с. 364–382) наполнен излишними цитатами и критическими аннотациями. Размышлениям о телевизионных сериалах (с. 382–404) присуща такая же перегруженность. В этот раздел включена авторская точка зрения на гипотетический «белый» вариант второй части трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (с. 385). Альтернативному литературоведению Соколова можно противопоставить мнение о том, что герою романа Ивану Телегину не обязательно было уходить к Колчаку, достаточно было сменить военно-политический «окрас» и воевать на том же фронте, что и на страницах романа, но – с другой стороны.

Пространному разделу о телесериалах не хватает предыстории о том, как этот жанр в постсоветское время осваивал тему Революции и Гражданской войны. Это – произведения С.В. Урсуляка: 2 части «Исаев» (2009), снятых по мотивам романов Ю.С. Семёнова «Бриллианты для диктатуры пролетариата» и «Пароль не нужен»; экранизация «Тихого Дона» (2015); сериал С.О. Снежкина «Белая гвардия» (2012); фильм Н.С. Михалкова «Солнечный удар» (2014). Эти произведения весьма показательны в том смысле, что насыщают исходные тексты новыми смыслами за счёт обильного введения деталей, отсеечения неудобных сюжетных линий и фрагментов, переструктурированием диалогов и проч. По сути, речь идёт о создании совершенно новых текстов об эпохе революции – кинематографических. Оставляя в стороне вопрос о моральной допустимости подобных процедур в отношении великих произведений, надо отметить, что они проявились и в новом «изводе» «Хождения по мукам», и в сериалах «Демон революции», «Троцкий», где нет в основе какого-либо литературного текста. Его место занял текст Истории революции, которую, как оказалось, можно искажать по режиссерскому и сценаристскому произволу. Приводятся цитаты актёров, из которых следует, что они играли не исторических персонажей, а придумывали их, насыщали качествами инфернальных героев и проч. И это уводит от подлинной истории Революции. Зачем изучать документы, зачем обращаться к историкам (которые сами отказались от созидания юбилея или им отказали)? Кто же заказчик таких поделок? Б.В. Соколов пишет о государственном заказе, своеобразии коего было в предоставлении определённой творческой свободы (с. 421).

Думается, что в данном случае надо говорить не о государственном заказе, а о некоей его имитации, по аналогии с наблюдением, сделанным несколько лет назад: «Сейчас в элите, из среды которой выходят сигналы по конструированию общественной памяти, сложилась интересная ситуация. Чиновно-административной прослойке ввиду вала запросов из Кремля относительно юбилеев, предназначенных для “выработки национальной идеи”, сплачивания общества, вывода его из духовно-идейного кризиса, поддержания культурно-исторической самоидентификации, *нужны тексты историков, но не интересно их содержание*»¹⁰. Чиновникам от культуры тоже важно представить к юбилею фильмы определённой тематики, не особенно интересуясь их содержанием, благо сделаны они сценаристами и режиссерами, чьи принципиальные взгляды на Революцию и гражданская позиция не вызывают сомнений у власти. А потому кинодеятели заняли место историков, как и журналисты, ставшие в ряд главных творцов документальных фильмов о Революции. Согласимся с Б.В. Соколовым: документальные фильмы к столетию Революции утратили свою просветительскую роль. Однако мимо его внимания прошёл документальный сериал «Революция LIVE», демонстрировавшийся на канале «НТВ» в 2017 г. на грани полноты и ночи. Отстранённо-объективный взгляд в сочетании с организацией материала по принципу обмена информацией в социальных сетях делали просмотр фильма интересным и ярким.

И.С. Давидян в своём ёмком, удачно организованном обзоре выставок к столетию Революции, подводит читателя к выводу, что они страдали многоголосицей, выхватывали только фрагменты революционной реальности, оставляя за скобками весьма важные проблемы, лишили посетителей представления о едином революционном процессе от Февраля к Октябрю. А художники не предоставили достойного столетию Революции полотна (с. 452–453), что перекликается с замечанием Б.В. Соколова об отсутствии в современной литературе и кинематографе сколь-нибудь значимого произведения. В разделе о рефлексиях юбилея обойдённым оказался вопрос об адресате литературных, научных, архивных, кинематографических, репрезентационных текстов. Их потребителем оказывается узкий и плотный круг людей в возрасте старше 35 лет. Молодёжи они не интересны.

Раздел V «Страна» представляет Россию в юбилейный революционный год только на основе Европейской части страны – город трёх революций и трёх названий Санкт-Петербург (автор Ю.И. Басилов, с. 457–491), Нижний Новгород (авторы А.Н. Маслов, М.Г. Сапрыкина, с. 492–509), связанный со стыком Верхней и Средней Волги и Нижней

¹⁰ Кузнецов, Маслов 2011. С. 1450.

Оки, а также Средний Урал (автор А.В. Антошин, с. 510–538). Эта юбилейная география автоматически расширяется за счёт Москвы, поскольку многие выставки, театральные события и научные мероприятия, упомянутые в других частях книги, проходили в столице. Добавить можно и те субъекты РФ, которые приводились в качестве примеров в мониторинге академической и архивной деятельности. Но даже в таком случае, в выборке почти не представлена Азиатская часть России – Дальний Восток. В целом, региональные наблюдения позволяют сказать, что местные власти по отношению к Революции-100 тоже действовали по принципу «идучи не идяху»: проводился определённый набор этикетных мероприятий, революционный юбилей оказался затённым ранее обрётёнными «местами памяти» (например, в Нижнем Новгороде – это события 1611–1612 гг.), воспоминаниями о прошлых юбилеях и ожиданиями будущих, отнюдь не революционных...

Контрастом монотонности российского юбилея Революции стала его многоцветная палитра за рубежом. Как пестры представленные впечатления о Революции-100, так широк и разнообразен круг их авторов. Вывод, который можно сделать, обобщив эти наблюдения: в каждой стране, каждой культуре столетие Российской революции соотносится со своими проблемами. В постсоветском пространстве преобладают мотивы начала национально-государственного строительства в связи с событиями 1917 года (Л.С. Гатагова). В Сербии увековечивают память Николая II (Н.И. Дедков). В Великобритании бурно и противоречиво обсуждали проблемы революции в России в связи осуждением коммунизма и практиками левых сил (Джон Ле Джун). В Германии в дискуссиях противопоставляли Революции Демократию (В. Хеделер), а в Китае превозносили её опыт (Инна Ли), как и в Латинской Америке, где этот опыт взят на вооружение (О. Голечкова, Х. Йепес). Весьма интересным видится материал по Польше, представленный Томашом Бохуном, известным в России специалистом по Смутному времени начала XVII в. Особенности и аспекты преломления эха революционного юбилея в Испании, Италии, Франции, США, Японии (с. 683–820) лишний раз показывает, от какого достояния отказалась Россия в 2017 г., какие задания по истории революции окажутся невыученными её населением на ближайшие полвека.

В разделе VII «Образы» (с. 823–970), написанном С.П. Щербиной, текстовый материал соотносится с богато представленным иллюстративным рядом. Для обработки этой изобразительной информации автор использовал теорию мемов Ричарда Докинза и весьма плодотворно с её помощью обработал, организовал и представил видеоряд Революции на протяжении века. По эволюции образов революции прослеживается, какой аспект её преобладал у того или иного поколения, как из обыден-

ного он становился монументальным, как торжественно-триумфальный настрой сменился на короткое время второй половины 1980-х гг. трагически-покаянным, а потом и вовсе лишился пафоса, ушёл из сферы сакрального в область карнавала, обесценивающего смеха. И в данном случае уместным было бы обращение к теории карнавала М.М. Бахтина. С.П. Щербина отказался от теории символа А.Ф. Лосева, от семиотических штудий Ю.М. Лотмана и его коллег. И это приумножение сущностей осталось открытой методической проблемой.

Богатую и противоречивую, как сама Революция-1917, книгу венчает Послесловие Г.А. Бордюгова (с. 973–975). Оно проблемно-афористично помещает юбилей Революции во флуктуационное поле возможностей, вариантов, прежде всего, для Российской Федерации. И от этого выбора зависит её будущее. На этом книга не заканчивается. Читатель получает возможность самому разобраться в ленте юбилейных событий, перечень которых составлен Д.Г. Коробковым (с. 976–1076).

Подытоживая, можно утверждать, что книга о юбилее «Революция-100» сама стала событием юбилея, событием значимым и важным. Фактом своей публикации монографии суждено сыграть роль раздражителя в сфере исторической политики, публичной истории, историографии Революции 1917 года и советской истории, а также новейшей истории России. С ней будут соглашаться, её выводы оспаривать, нерешённые вопросы коммеморации Революции-1917 будут напоминать о себе в политической истории России. И, несмотря на выводы о невосребованности в России 2017 года вдумчивого, обстоятельного разговора о 1917 г., книга будет способствовать оживлению научного, общественно-политического и культурного интереса к Революции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Кузнецов А.А., Маслов А.Н.* Диктатура юбилеев: мемориальный бум как призрак иной повседневности // Между канинами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2011. С. 1425–1461.
- Между канинами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М.: АИРО-XXI, 2013. 1520 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М.: АИРО, 2011. 520 с.
- Победа-70: реконструкция юбилея. М.: АИРО-XXI, 2015. 624 с.
- Примаков Е.М. Собрание сочинений. В 10 тт. М.: ТПП РФ; «Российская газета», 2016.
- Неизвестный Примаков. Документы. М.: ТПП РФ; «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. 560 с.
- Неизвестный Примаков. Воспоминания. М.: ТПП РФ; «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. 488 с. с илл.
- Революция-100: реконструкция юбилея / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2017. 1088 с. с илл.
- Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции, 1789–1799. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1989. 535 с.

Цимбаев К.Н. Феномен юбилея в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.

Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир: (Ветхий завет как памятник лит. и общ. мысли древней Передней Азии). М.: Политиздат, 1987. 239 с.

REFERENCES

Koposov N. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 s.

Kuznecov A.A., Maslov A.N. Diktatura yubileev: memorial'nyi bum kak prizrak inoi povednevnosti // Mezhdunarodnye issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let. M., 2011. S. 1425–1461.

Mezhdunarodnye issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let. M.: AIRO-XXI, 2013. 1520 s.

Nauchnoe soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen. M.: AIRO, 2011. 520 s.

Pobeda-70: rekonstrukciya yubileya. M.: AIRO-XXI, 2015. 624 s.

Primakov E.M. Sobranie sochinenii. V 10-ti tomah. M.: Izdatel'stvo TPP RF; Izdatel'stvo «Rossiiskaya gazeta», 2016.

Neizvestnyi Primakov. Dokumenty. M.: Izdatel'stvo TPP RF; Izdatel'stvo «Rossiiskaya gazeta»; AIRO-XXI, 2016. 560 s.

Neizvestnyi Primakov. Vospominaniya. M.: Izdatel'stvo TPP RF; Izdatel'stvo «Rossiiskaya gazeta»; AIRO-XXI, 2016. 488 s. s ill.

Revunenkov V.G. Ocherki po istorii Velikoi francuzskoi revolyucii, 1789–1799. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989. 535 s.

Cimbaev K.N. Fenomen yubileemanii v rossiiskoi obshchestvennoi zhizni konca XIX nachala XX veka // Voprosy istorii. 2005. № 11. S. 98–108.

Shifman I.Sh. Vethii zavet i ego mir: (Vethii zavet kak pamyatnik lit. i obsh. mysli drevnei Perednei Azii). M.: Politizdat, 1987. 239 s.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; nalbuzz@mail.ru

The Revolution – 100 years later

The article is devoted to the analysis of a collective monograph about the anniversary of revolution of 1917 in Russia. Authors of the text studied different aspects of anniversary of Revolution-1917 in Russia and abroad. Contexts of research of anniversary: political, social, cultural, commemoration, scientific, archival, religious, confessional, regional, visual.

Keywords: Revolution of 1917, anniversary, historical policy, commemoration, monitoring

Andrey Kuznetsov, Dr.Sc. (History), Professor, Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod